

Вернувшись домой, Лу Цинцзю приготовил для Бай Юэху жареную курицу. Тушку обмазали мёдом, и в процессе жарки кожа зарумянилась, став золотистой и невероятно соблазнительной. Она хрустела на зубах, открывая путь к сочному, нежному мясу, ароматные соки которого разливались во рту с каждым укусом. По дому разносился неповторимый, сбивающий с толку запах – дразнящий и вызывающий непреодолимое желание вдохнуть его глубже.

Бай Юэху сохранил привычку съесть кости вместе с мясом. Расправившись с курицей, он вернулся в своё кресло-качалку, будто сливаясь с ним воедино. Из соседней комнаты вышел Ли Сяоюй, разыскивая Сяо Хуа для помощи с какими-то практическими заданиями. Лу Цинцзю достал из морозилки замороженный виноград, высыпал в пиалу и передал Ли Сяоюю. Мякоть и сок внутри каждой ягоды превратились в прохладный ледяной нектар – сладкий, с лёгкой кислинкой, идеальное спасение от летнего зноя. И Ли Сяоюю, и Сяо Хуа он пришёлся по вкусу. Человек и свинья устроились за столом, погрузившись в решение задач, смысл которых был для Лу Цинцзю абсолютной тайной.

После истории с Шуй Фэном Бай Юэху много дней пребывал в молчании, вернувшись к тому же ленивому, отстранённому состоянию, в каком пребывал в первые дни здесь. Он практически сросся с креслом-качалкой, покидая его лишь для еды и редкой работы на ферме.

Лу Цинцзю беспокоился о его настроении и, чтобы как-то развеять мрачные мысли, решил приготовить что-нибудь особенное. Летом все особенно жадно набрасывались на холодные закуски, и масло с перцем чили улетало мгновенно. Их домашний запас почти иссяк. Лу Цинцзю взглянул на солнце, клонящееся за горы, и решил сходить на поле – собрать свежих перчиков для нового, ароматного масла.

Их масло чили было домашним. Они вручную разбирали стручки, растирали их в мелкую пыль, смешивали порошок с особым набором специй и, наконец, после стремительного обжаривания в раскаленном масле – ароматное, дышащее жаром масло чили было готово. Главной целью этого масла была не острота, а глубина аромата. Оно преображало вкус холодных закусок.

С корзиной за спиной Лу Цинцзю отправился на поле. Стояла удушающая жара; солнце уже скрылось, но раскаленная земля еще жгла кожу у щиколоток. Добравшись до участка, он увидел чили, посаженный Бай Юэху.

Перец, выращенный лисьим духом его семьи, и впрямь отличался от обычного. Каждый стручок был тугий, мясистый, полный силы. Лу Цинцзю сорвал один и лизнул – мгновенная, обжигающая боль пронзила язык. Вкуса не было, была только боль, но такая, что заставляла мозг выплескивать химию счастья... Он отвлекся. Чем жгучее перец, тем выше его качество.

Лу Цинцзю собрал около двух-трех цзиней, а небо уже потемнело. Ночь в горах не похожа на городскую. Без светового загрязнения, в ясную погоду, открывалась вся россыпь небес. Луны сегодня не было, но звезды сияли ослепительно – так ярко, что при внимательном взгляде проступала чистая белизна Млечного Пути.

Ночной ветер доносил прохладу, и его прикосновение к коже было необъяснимым удовольствием.

Сложив собранный урожай в бамбуковую корзину, Лу Цинцзю двинулся в обратный путь. Сделав несколько шагов, он неожиданно наступил на что-то. Опустив взгляд, он увидел на темной земле яркое пятно - лежавшую у его ног сотню юаней.

«Чьи это деньги?» — наклонился Лу Цинцзю и поднял купюру. В деревне не водилось богачей, и сто юаней - сумма немалая. Какая-нибудь тетушка, потеряв их, могла бы лишиться семью месячного достатка. Его везение заметно улучшилось с тех пор, как он получил мешочек от Тай Фэна. Теперь ему постоянно попадались деньги на дороге. Самым же невероятным был случай, когда купленный им лотерейный билет через несколько дней принес третий приз. Но Лу Цинцзю не пошел за выигрышем - он всегда считал, что на деньги, добытые удачей, полагаться нельзя.

Он решил завтра разыскать хозяина потерянных денег, как вдруг снова наступил на что-то твердое, болезненно впившееся в ступню. Лу Цинцзю выковырял из земли монету со странным узором. Размером с большой палец, темно-желтого отлива, она не походила на настоящие деньги, скорее напоминая игровую фишку. Рассмотреть рисунок при таком свете было невозможно, да и телефон он с собой не взял. Отложив осмотр, он небрежно сунул монету в карман, но рука необъяснимо дрогнула. Монета выскользнула, упала на землю и покатилась в придорожные заросли.

Рефлекторно бросившись за ней, Лу Цинцзю мгновенно пожалел. Он был в шортах, а большая часть травы на этом пятнышке была усеяна шипами, которые впивались в голени, вызывая жгучую боль.

«Ах...» — прошипел он, наклонился и увидел тонкие струйки свежей крови, стекающие по икрам. Он хотел отступить, но, оглянувшись на тропу, с ужасом обнаружил, что прежняя дорога исчезла - он стоял на совершенно незнакомом, бесплодном пустыре.

Лу Цинцзю остолбенел, на мгновение потеряв дар речи. Кругом не было ни тропинок, ни признаков пути - только бескрайнее поле дикой травы. Сорняки, покрытые мелкими шипами, доходили ему до пояса. Он сделал несколько шагов вперед - на икрах добавилось кровавых царапин. Пришлось остановиться и снова осмотреться.

Вскоре он заметил нечто особенное посреди этого хаоса - высокое засохшее дерево, одиноко возвышавшееся в центре поля. Оно стояло не так далеко, неестественно выделяясь на фоне бесконечной травы. На его голой ветви, не шелухнувшись, сидела птица, похожая на ворона.

Лу Цинцзю рванулся к дереву, глядя на свои окровавленные ноги, и не смог сдержать горькой усмешки. «Вот, наверное, что чувствовала русалочка, когда у нее отросли ноги...» — пробормотал он себе под нос.

К счастью, по мере приближения к дереву сорняки редели, а у самого подножия оставалась

лишь голая земля. Ворон на ветке, встревоженный его появлением, тяжело взмахнул крыльями и взлетел. Его карканье в ночной тишине звучало зловеще, заставляя Лу Цинцзю почувствовать себя покинутым всем миром.

Тут его взгляд привлекло нечто другое. За засохшим деревом, с той стороны, что была от него скрыта, стояла каменная плита. Подойдя ближе, Лу Цинцзю понял – это было надгробие.

Одинокий надгробный камень, забытый миром.

В темноте невозможно было разобрать высеченные на нем слова. Лу Цинцзю на мгновение задумался, затем подошел вплотную и положил ладонь на холодную, шероховатую поверхность. Надпись была короткой – всего шесть иероглифов. Сначала он медленно обвел контуры пальцем, а затем попытался прочесть.

Первый иероглиф – «здесь», на древнем начертании. Второй – «покойся», легко узнаваемый. Но, дойдя до третьего символа, Лу Цинцзю замер, а его рука дрогнула. Он вновь и вновь водил пальцами по резным линиям, проверяя раз за разом, пока не убедился окончательно. Сердце упало. Он прислонился к плите, несколько раз глубоко вздохнул, собираясь с духом, и нащупал четвертый иероглиф.

Перевернутая «гора», вертикальный «дюйм» – это был «Сюнь».

По спине Лу Цинцзю пробежали ледяные мурашки. Он беззвучно открывал и закрывал рот, не в силах вымолвить слово. Еще одна проверка подтвердила: шесть иероглифов на надгробии гласили:

Здесь покоится Инь Сюнь, любимый сын.

Здесь покоится... Инь Сюнь... Любимый сын.

Его будто ударило током. Рука сама отдернулась от камня. Он уставился на надгробие, словно на восставшего призрака.

Почему здесь могила Инь Сюня? Неужели шутка? Но кто в этом мире мог так зло и жестоко пошутить? Перед его внутренним взором всплыла улыбка лучшего друга – ясная, лучезарная, с милым выступающим клыком.

«Лу Цинцзю, Лу Цинцзю, — махал ему рукой улыбающийся Инь Сюнь. — Добро пожаловать обратно в деревню Шуйфу».

Лу Цинцзю опустился на землю и горько усмехнулся.

Улетевший ворон вернулся, усевшись прямо на плиту перед ним, и каркнул. Склонив голову набок, птица смотрела на Лу Цинцзю. В крошечной тьме, где на полтора метра вперед ничего не было видно, в этих черных, как смоль, глазах он неожиданно увидел отблеск далеких звезд.

Оправившись от оцепенения, он хотел снова приблизиться к плите, но услышал, как кто-то зовет его по имени.

«Лу Цинцзю, Лу Цинцзю...» — голос был тихий, едва уловимый. Сначала он принял его за игру воображения, но голос звучал все явственнее. Лу Цинцзю посмотрел в сторону звука и увидел его источник — того самого черного ворона. Птица парила в небе в отдалении, и из ее клюва раздавался человеческий голос: «Лу Цинцзю, Лу Цинцзю...»

Осторожно ступая, он двинулся на зов и заметил, что сорняки по обе стороны от него начали расступаться, словно воды моря перед Моисеем.

Видимо, это был верный путь. Он не знал, кто вел его, но, похоже, без злого умысла.

Ворон продолжал звать, и Лу Цинцзю шел на этот голос, не ощущая времени. Лишь когда рядом с ним звякнула упавшая на землю монета, заставив все его тело вздрогнуть, он вдруг осознал, что вернулся в свой мир.

Не было ни сорняков, ни засохшего дерева, ни надгробия. Земля вокруг была знакомой, а над головой мягко сиял звездный свет. Монета покатила к его ногам. На этот раз, подняв ее, он крепко зажал в ладони, а затем надежно убрал в карман, чтобы та не укатилась снова.

С монетой в кармане Лу Цинцзю наконец отправился домой. Если бы не царапины на икрах, он счел бы все это нелепым сном.

Переступив порог двора, он разбудил дремавшего Бай Юэху. Тот мгновенно открыл глаза и взглянул на него: «Ты ранен?»

Лу Цинцзю кивнул: «Угу. Поцарапался о колючки, когда спускался с поля».

Взгляд Бай Юэху упал на его икры: «Колючки на поле?»

Лу Цинцзю снова кивнул.

«Иди сюда, обработаю», — сказал Бай Юэху, и в его голосе прозвучала такая непреклонность, что Лу Цинцзю не стал возражать. Он присел на первый попавшийся стул, а Юэху опустился на корточки рядом. Тот сначала смыл запекшуюся кровь, а затем нанес мазь, которую когда-то дал ему сам Лу Цинцзю. Раны были поверхностные, неглубокие. Мазь дала приятный охлаждающий эффект, обещая скорое заживление.

«Я... нашел монету, — опустив голову, глядя на сосредоточенное лицо Бай Юэху, Лу Цинцзю вытащил ее из кармана. — Посмотри, в ней есть что-то... особенное?»

Бай Юэху взглянул на монету и покачал головой: «Нет. Ничего особенного».

«Не проклятие? Или что-то вроде того?» — не унимался Лу Цинцзю.

«Нет, — ответил Бай Юэху. — В ней нет никакой энергии. Самый обычный предмет из мира смертных».

Лу Цинцзю угукнул. Он сполоснул монету чистой водой и стал внимательнее вглядываться в стёршийся рисунок на её поверхности. Странное, щемящее чувство шевельнулось внутри — казалось, он уже где-то видел эту монету, но упрямая память отказывалась выдать конкретное место или время.

«Эта штука затянула меня в странное место, — голос Лу Цинцзю прозвучал неуверенно и сдавленно. — Я видел пустырь... и на нём был надгробный камень...»

Услышав слова «надгробный камень», Бай Юэху поднял голову и устремил на Лу Цинцзю непроницаемый взгляд. Цинцзю подумал, что сейчас последует объяснение, но тот лишь произнёс: «Если есть что-то, что ты хочешь знать, тебе лучше поговорить с ним с глазу на глаз».

Лу Цинцзю ошеломила такая прямота. «С ним??? Ты знаешь, что я видел?»

Бай Юэху кивнул, один раз, коротко и ясно.

«Тогда что происходит? — голос Лу Цинцзю дрогнул. — Инь Сюнь... он человек?»

Бай Юэху покачал головой: «Думаю, будет лучше, если он сам ответит на этот вопрос».

Лу Цинцзю сжал губы. С самого возвращения его не отпускало смутное, тягостное ощущение, что с Инь Сюнем что-то не так. Но раз тот не причинял вреда, Цинцзю предпочитал не копать глубже. Однако даже в самых смелых предположениях он не ожидал, что его друг детства... перестал быть человеком.

Бай Юэху знал, кем стал Инь Сюнь, но не собирался говорить. Он хотел, чтобы Лу Цинцзю нашёл его и задал вопросы сам.

Пальцы Лу Цинцзю сжали монету в кармане. «Ладно, — решил он про себя. — Завтра я найду Инь Сюня и всё выясню».

Всю ночь поглощённый тяжкими мыслями Лу Цинцзю ворочался без сна. Ещё не было пяти, как он поднялся с постели и принялся готовить завтрак. Сегодня им предстоял трудный разговор, и он хотел сделать утро немного добрее – пусть хотя бы едой. Он сварил целую кастрюлю наваристого куриного супа, чтобы приготовить лапшу с рубленой курочкой – то самое блюдо, что Инь Сюнь любил больше всего.

Но к изумлению Лу Цинцзю, даже когда солнце уже высоко поднялось над крышами, от Инь Сюня не было ни слуха, ни духа.

Цинцзю нетерпеливо метался по дому. Он достал телефон, набрал номер – ответа не последовало.

«Юэху, начинай без меня. Я схожу к нему домой», — бросил Лу Цинцзю. Бай Юэху лишь кивнул, деловито взяв в руки палочки.

Выскочив на улицу, Лу Цинцзю почти бегом направился к дому друга. Он долго и настойчиво стучал в знакомую дверь – тишина. Сердце ёкнуло тревогой. Он на секунду задумался, затем свернул к дому соседки, тётушки Лю, которая всегда баловала Инь Сюня домашними закусками.

«Тётя Лю, вы Инь Сюня не видели?» — спросил он, стараясь звучать спокойно.

Тётушка Лю развешивала во дворе простыни. «Нет, кажется, он прошлой ночью не возвращался, — ответила она, прищурившись. — Обычно-то после десяти приходит, я всегда по стуку двери слышу. А что случилось-то, Цинцзю? Не случилось ли чего с Сяо Инем?»

«Нет-нет, по делу его искал, — поспешил успокоить её Лу Цинцзю. — Если увидите, передайте, пусть найдёт меня. И скажите... что я не сержусь».

Тётушка Лю настороженно качнула головой, но расспрашивать не стала.

Вернувшись домой ни с чем, Лу Цинцзю застал Бай Юэху за мирной трапезой. Казалось, тот и не ожидал иного исхода. Инь Сюнь не отвечал, его не было дома – он попросту скрылся.

Лу Цинцзю в сердцах плюхнулся на корточки у порога, щёлкал семечки и ворчал Бай Юэху: «Может, с ним что стряслось? Зачем бежать-то? Это мне бежать надо было! Или он боится, что я его, поймав, в фарш превращу и съем?»

«Возможно, он этого и опасается», — невозмутимо заметил Бай Юэху.

«А? — Лу Цинцзю резко повернулся. — Что ты сказал?»

«Я сказал, — безмятежно повторил Бай Юэху, — он, вероятно, боится, что его съедят, когда ты его найдёшь».

Лу Цинцзю остолбенел. «Кто... съест?»

Бай Юэху молча указал на себя.

«Ты?! — голос Лу Цинцзю взлетел на октаву. — Он боится, что я его приготовлю и подам тебе на блюде?»

Бай Юэху промолчал, но его выразительный взгляд сказал красноречивее любых слов.

Да, когда-то Инь Сюнь был другом. Но теперь, когда раскрылась его нечеловеческая сущность, обманутый Лу Цинцзю должен злиться, верно? И, поддерживая его, Бай Юэху, без сомнений, поможет устранить эту... щекотливую проблему. Звучало логично?

Однако Лу Цинцзю, докопавшийся до корней этой исковерканной логики, был так взбешён, что готов был стукнуть кого угодно.

«Неужели я похож на человека, который способен убить друга и пустить его на мясо?! — бушевал он. — Да он меня совсем не знает!»

«Верно, — согласился Бай Юэху. — Только я тебя знаю».

Лу Цинцзю: «...»

Оценив мрачнейшее с каждой секундой лицо Лу Цинцзю, Бай Юэху снова заговорил, и в его голосе прозвучала лёгкая, почти мечтательная надежда: «Мясо у Инь Сюня, должно быть, высшего сорта...»

«Нет! Ни за что! Даже не думай!» — отрезал Лу Цинцзю, не оставляя пространства для дискуссий.

Бай Юэху тихо вздохнул, и на его невозмутимом лице на мгновение мелькнула тень разочарования. Создавалось впечатление, что он был бы совсем не прочь.

«Ты не знаешь, где он сейчас?» — спросил Лу Цинцзю, отчаявшись.

«Нет». Бай Юэху не интересовало то, что нельзя было съесть. Если Инь Сюнь исчезнет навсегда, он будет только рад - одним ртом меньше.

«Та монета, что ты подобрал, — перевёл тему Бай Юэху, — должна иметь иное применение. Постарайся вспомнить, где ты её видел».

Лу Цинцзю нахмурился. Он вернулся в комнату, положил монету на стол и принялся изучать её при ярком свете.

С виду – самая обычная, нешироко распространённая монета. На аверсе – бык, на реверсе – корона. Он вглядывался в неё до рези в глазах, и в глубине памяти шевельнулось смутное, но настойчивое чувство узнавания. Он точно видел её раньше. Но где? Когда? И что эта монета значила для Инь Сюня?

Ответа не было.

К полудню пора было готовить обед. Рассеянный Лу Цинцзю наскоро соорудил жареный рис с маринованными овощами.

Бай Юэху молча созерцал скромную трапезу. Обычно на столе красовались четыре блюда и суп, а сегодня... Его взгляд стал задумчивым. Возможно, исчезновение Инь Сюня имело и свои минусы.

Лу Цинцзю жевал без аппетита, мысли его вращались вокруг пропавшего друга. Инь Сюнь определённо существовал – иначе его бы не помнили в деревне. Но что-то в нём изменилось, сдвинулось в сторону нечеловеческого, чуждого.

«Лу-гэ!» — звонкий голосок отвлёк его от раздумий. На пороге стоял Ли Сяюй, соседский мальчишка, пришедший, как обычно, навестить Сяо Хуа.

«Заходи, — беззвучно выдохнул Лу Цинцзю. — Обедал уже?»

«Ага! — улыбнулся мальчик. — Я Сяо Хуа предупредить пришёл, что сегодня не буду у него учиться. Мы с ребятами в город едем, на грузовике дяди Чэня!»

Лу Цинцзю кивнул, но взгляд его был пустым и устремлённым куда-то вдаль, сквозь время. Он видел не Ли Сяюя, а себя и Инь Сюня – таких же мальчишек, полных дерзких мечтаний и глупых обещаний. Они тоже копили монетки, чтобы махнуть в город, к сверкающему игровому автомату...

Пальцы сами потянулись к контуру монеты в кармане. «Лу-гэ?» — снова позвал его Ли Сяюй.

Лу Цинцзю наконец-то вспомнил, что это за монета.

Это была не обычная монета. Это был игровой жетон, тот самый, за который они с Инь Сюнем в детстве готовы были отдать последние сбережения. Месяц экономии на мороженом – и всего два-три заветных дополнительных раунда в заветном автомате. Для маленького Лу Цинцзю это было счастье, выкованное из металла.

А потом был переезд. Подросток Инь Сюнь, с глазами, полными слёз, пытался сунуть в вагон все свои накопленные жетоны. Но поезд уже набирал ход, и Лу Цинцзю мог лишь прижать ладонь к холодному стеклу, наблюдая, как фигурка друга на перроне становится всё меньше и наконец растворяется вдаль. Их разделили годы и расстояние. При следующей встрече Инь Сюнь уже не был тощим подростком, но улыбка его осталась прежней, а тот самый выступающий «тигриный» зуб всё так же озорно поблёскивал на губе.

«Я... — Лу Цинцзю сжал монету так, что края впились в ладонь. Его голос охрип от нахлынувших чувств. — Теперь я вспомнил».

Теперь он понимал, что значила эта монета.

Автору есть что сказать:

Бай Юэху: «Знаешь, я прикинул. Если взять дикого Инь Сюня и правильно его разделать, содержание белка в нём будет в пять раз выше, чем в курице».

Инь Сюнь: «Цзю-эр, спаси-и-и-и меня, а-а-а-а-а!»

Лу Цинцзю: «Бай Юэху, сию же секунду прекрати!!!»